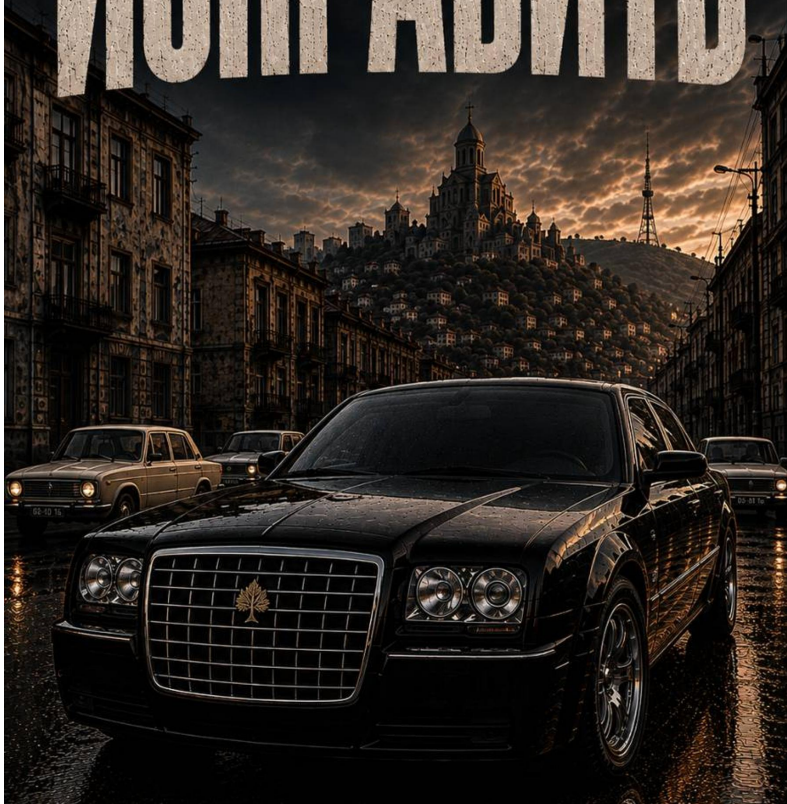

ВЛАДИМИР ПАЙЛОДЗЕ

ИСПРАВИТЬ

Владимир Пайлодзе

Исправить

<https://litres.ru/74363357>

SelfPub; 2026

Аннотация

1986 год. Чернобыль. Советский Союз ещё кажется вечным.

Эраст Мартвили уже знает, что это не так.

Потому что однажды он прожил эту жизнь до конца.

Теперь ему снова двадцать три. Его товарищи, которых он когда-то потерял, снова живы. У него снова есть семья, молодость и страна, у которой впереди перестройка, распад, войны и девяностые.

Но за второй шанс приходится платить.

Спасая экипаж, Эраст теряет небо. Медицинская комиссия навсегда закрывает ему дорогу в кабину.

Он не собирается спасать Советский Союз.

Не собирается становиться политиком.

И уж точно не собирается строить промышленную империю.

Эраст хочет одного — на этот раз прожить свою жизнь правильно.

Сначала это означает несколько тонн старого немецкого оборудования.

Маленький автосервис в Тбилиси.

Разбитая Toyota Celsior, которую он собирался всего лишь восстановить для себя.

Одно крыло хочется сделать немного иначе.

Капот.

Решётку.

Кузов.

Но вокруг уже начинает меняться страна.

А вслед за ней — и его собственная жизнь.

Содержание

Пролог. Последний из Экипажа.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Владимир Пайлодзе

Исправить

Пролог. Последний из Экипажа.

Тбилиси. Две тысячи двадцать шестой год.

Сердце прихватило между двумя совещаниями.

Без предупреждения, без красивой последней мысли, которую потом можно было бы вписать в семейную легенду. Просто вдруг стало тесно в груди, словно кто-то изнутри набросил широкий ремень и медленно потянул его на себя.

Эраст отложил авторучку.

Перед ним лежал договор — двенадцать страниц мелкого текста, таблица поставок, сроки, банковские гарантии. Пять минут назад он спорил из-за двух процентов скидки и был готов спорить ещё час.

Теперь буквы оставались чёткими, но перестали что-либо значить.

— Эраст Вахтангович?

Дато, финансовый директор, приподнялся со стула.

Эраст остановил его ладонью.

— Сиди.

Голос вышел хриплым.

Дато всё-таки не сел.

— Вам плохо?

— Жарко здесь.

Глупость.

Кондиционер работал исправно. В кабинете было прохладно. За панорамным стеклом — другое дело. Августовский Тбилиси плавился под солнцем, над асфальтом дрожал воздух, а хромированные буквы на фасаде дилерского центра напротив вспыхивали так ярко, что на них было больно смотреть.

Когда-то всё начиналось совсем иначе.

Бывший ведомственный гараж.

Кривые ворота.

Бетонный пол, который уже невозможно было отмыть от масла.

Два немецких подъёмника.

Компрессор.

Балансировочный стенд.

Ящики с инструментом, над которыми старший брат годами издевался, называя их «Эрастовым железом».

Теперь было несколько корпусов, кузовной центр, склады, выставочный зал, учебные классы. Дилерство Chrysler давно перестало быть единственным бизнесом, но американская марка оставалась для Эраста особенной.

Наверное, потому, что когда-то он впервые увидел Chrysler 300 и несколько минут молча ходил вокруг маши-

ны, разглядывая не двигатель и не подвеску.

Кузов.

Пропорции.

Линию крыши.

Решётку.

Американец, приехавший подписывать дилерское соглашение, тогда спросил через переводчика:

— Что-то не нравится?

Эраст ответил:

— Наоборот. Очень знакомая машина.

Американец не понял.

Да и не мог понять.

На стене за спиной висела фотография с того дня.

Эраст пожимал руку представителю концерна. Ещё почти без седины, широкоплечий, непривычно серьёзный. Дорогой костюм всё равно сидел на нём плохо — Эраст так и не научился носить костюмы.

Рядом стоял чёрный Chrysler 300С.

Фотография висела немного криво.

Он месяца три собирался попросить кого-нибудь её поправить.

— Эраст Вахтангович, я врача вызову.

— Не надо.

— У вас лицо серое.

Эраст чуть повернул голову.

— У меня лицо мегрельское. Оно всегда такое.

Обычно на этой фразе смеялись.

Дато не улыбнулся.

Боль усилилась.

Из середины груди она поползла в левое плечо, потом под лопатку — нехорошо, знакомо, без всяких двусмысленностей.

Эраст осторожно откинулся на спинку кресла.

Вот теперь уже не отвертишься.

Врачи предупреждали давно.

Старая аритмия. Сердце, которое он испортил ещё молодым. Давление. Первый инфаркт. Стенты. Таблетки утром. Таблетки вечером. Ещё одна — если понервничал.

Кардиолог каждый год говорил одно и то же:

меньше работать;

не нервничать;

нормально спать;

не изображать в шестьдесят с лишним лет двадцатилетнего.

Эраст внимательно слушал, соглашался и возвращался на работу.

Сердце терпело.

До сегодняшнего дня.

— Дато.

— Я здесь.

Тот уже стоял возле двери с телефоном.

— Скорую вызывай.

Дато начал набирать номер.

— Только без сирены.

Он замер.

— Что?

— Клиентов распугаете.

— Эраст Вахтангович...

— Звони уже.

Дато быстро заговорил в трубку.

Эраст расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

Не помогло.

Воздуха всё равно не хватало.

Он медленно вдохнул и почувствовал запах керосина.

Эраст открыл глаза.

Нет.

В кабинете пахло кофе, кожей кресел и едва заметно — автомобильным воском из выставочного зала этажом ниже.

Но поверх этих запахов совершенно отчётливо проступал другой.

Горячий металл.

Авиационный керосин.

Резина шасси.

Едкая гарь работающей вспомогательной силовой установки.

Запах аэродрома.

Эраст замер.

Он не чувствовал его по-настоящему сорок лет.

Не в аэропортах.

Не на авиасалонах.

Не возле музейных самолётов.

Там всё было другим.

А этот узнал сразу.

Свой.

Он медленно перевёл взгляд на стол.

Рядом с очками лежал старый металлический брелок.

Ил-76.

Потёртый настолько, что контуры самолёта едва различались.

Эраст носил его всю жизнь. Менял машины, кабинеты, портфели — брелок переходил из одного кармана в другой.

Он протянул руку.

Пальцы плохо слушались.

На одной стороне ещё можно было разобрать:

Двенадцатый Экипаж.

Эраст перевернул брелок.

Четыре фамилии.

Командир.

Штурман.

Радист.

Бортинженер.

Четыре молодых мужика, уверенных, что старость существует исключительно для других.

Эраст сжал металл в ладони.

Из четверых остался один.

Он.

— Эраст Вахтангович!

Дато оказался рядом.

Что-то спрашивал, но слова уже доносились будто через закрытую дверь.

А запах становился сильнее.

И память вернулась.

Не постепенно.

Сразу.

Так, словно сорок прожитых лет оказались тонкой плёнкой — и кто-то одним движением сорвал её с глаз.

В мае восемьдесят шестого Эрасту было двадцать три.

Старший лейтенант.

Бортовой инженер военно-транспортного полка.

Самый молодой в экипаже.

Следовательно, по неписаному закону авиации — виноватый во всём.

В плохо прогретом двигателе.

В неисправном насосе.

В задержке вылета.

И особенно — в исчезновении командирской заварки из общего термоса.

Эраст тогда совершенно искренне считал себя взрослым человеком.

Офицерские погоны.

Отдельная комната.

Хороший немецкий кассетник.

Фотография девушки, на которой он непременно когда-нибудь собирался жениться.

Он умел запустить четыре двигателя Ил-76 зимой.

По одному звуку отличал нормальную работу насоса от начинающейся неисправности.

Знал самолёт лучше, чем собственное тело.

И был уверен в простом правиле: мужчины не болеют.

Мужчины устают.

Простужаются.

Недосыпают.

Иногда им бывает хреново.

Тогда мужчина глотает таблетку, затягивает ремень и идёт выполнять приказ.

За три дня до вылета Эраст промок под холодным дождём.

Потом несколько часов провёл на бетонке, помогая техникам с машиной, к которой вообще не имел отношения.

К вечеру начало знобить.

Ночью поднялась температура.

А ближе к утру сердце впервые ударило неправильно.

Сильный толчок.

Пауза.

Ещё один.

Потом что-то внутри словно споткнулось, грудь стянуло,

по спине выступил холодный пот.

Эраст сел на кровати.

Посидел.

Через несколько минут отпустило.

Утром стало легче.

И он никому ничего не сказал.

А потом грянул Чернобыль.

В полку тогда ещё никто толком не понимал, что произошло.

Говорили разное.

Пожар.

Взрыв.

Разрушен реактор.

Радиации почти нет.

Радиация огромная.

Нужен свинец.

Нужны специалисты.

Нужны защитные комплекты.

Нужна техника.

Приказы менялись быстрее, чем успевали их записывать.

Борта уходили один за другим.

Эраст почти не спал двое суток.

Температура вернулась.

Сердце ныло.

Потом снова начало сбиваться.

Знакомый фельдшер сунул ему таблетки.

— Эта от температуры. Эта от сердца. Эту выпьешь — человеком станешь.

— Вместе можно?

Фельдшер уже смотрел в другую сторону.

— Можно. Не маленький.

Эраст проглотил всё сразу.

Через сорок минут стало легче.

И одновременно странно.

Будто голова была его, а руки слегка запаздывали.

Совсем чуть-чуть.

На долю секунды.

Тогда он не придал этому значения.

Потом будет вспоминать всю жизнь.

Перед вылетом командир посмотрел на него внимательно-нее обычного.

— Эраст, ты чего зелёный?

— Свет такой.

— Не шути.

Командир задержал на нём взгляд.

— Справишься?

Вот он.

Тот самый вопрос.

Одно слово, которое потом будет возвращаться десятилетиями.

Справишься?

Нужно было сказать правду.

Всего одну фразу.

Командир, мне плохо.

Не про Чернобыль.

Не про страх.

Не про героизм.

Просто сказать, что заболел.

Что сердце сбивается.

Что таблеток наглотался.

Что руки стали чуть тяжелее.

Его сняли бы.

Возможно — весь экипаж.

Возможно, нашли бы другого бортинженера.

Возможно, они всё равно полетели бы через час.

Никто этого уже никогда не узнает.

Но двадцатитрёхлетний старший лейтенант посмотрел на уставшие лица товарищей и улыбнулся.

— Нормально всё, командир.

Потом добавил:

— Прорвёмся.

И они полетели.

Сначала всё было почти обычно.

Разбег.

Тяжёлый толчок на стыках бетонных плит.

Отрыв.

Уборка шасси.

Команды экипажа, которые Эраст спустя сорок лет мог повторить, не задумываясь.

Он работал автоматически.

Это и спасало.

Руки знали последовательность лучше головы. Взгляд переходил с одного прибора на другой, пальцы ложились на нужные переключатели, ответы командиру приходили сами.

Но что-то всё равно было не так.

Эраст чувствовал.

Словно между мыслью и движением появилась тонкая прослойка.

Показания он видел сразу.

А отвечал почему-то через мгновение.

Никто другой её, возможно, даже не заметил, Эраст заметил.

Именно эти доли секунды потом преследовали его годами.

Не потому, что он вспомнил ошибку.

Хуже.

Он так и не смог понять, **была ли ошибка вообще.**

На земле царила неразбериха.

Самолёты садились один за другим. Одни разгружали технику, другие людей, третьи ящики, назначение которых экипажу не объясняли.

Военные.

Пожарные.

Медики.

Гражданские специалисты.

Автобусы.

Машины.

Крики.

Радиостанции говорили одновременно.

Где-то над горизонтом висела мутная дымка.

Толик посмотрел туда.

— Это от станции?

Штурман тоже повернул голову.

— Хрен его знает.

Командир оборвал:

— Не глазейте. Работаем.

Работали.

Разгрузка.

Заправка.

Новая команда.

Ожидание.

Снова запуск.

Новый рейс.

Эраст позже много раз пытался восстановить последовательность тех дней.

Не получалось.

В памяти остались куски.

Солдат, спящий прямо на ящиках.

Рука в резиновой перчатке, протягивающая документы.

Офицер в распахнутом защитном плаще:
— Быстрее! Быстрее давай!
Жёлтый прибор.
Треск дозиметра.
И фраза:
— Здесь долго не стойте.
Кому её сказали?
Им?
Грузчикам?
Вообще всем?
Он так и не вспомнил.

На второй день стало хуже.
Температура полезла вверх.
В груди то появлялась тяжесть, то отпускало.
Эраст тайком проверял пульс.
Неровный.
Толик заметил.
— Ты чего?
— Ничего.
— Опять зелёный.
— У вас сегодня все помешались на моём цвете лица?
Толик хмыкнул:
— Ты грузин. Тебе положено быть красивым.
— Я мегрел.
— Это диагноз?

Эраст показал ему кулак.

Толик засмеялся.

Много лет спустя Эраст будет стоять возле его гроба и вспоминать именно этот смех.

Не реактор.

Не дозиметр.

Не больницу.

Дурацкую шутку в кабине.

Но тогда они были молодыми.

И никто ещё не умел думать о смерти всерьёз.

Самый страшный эпизод произошёл то ли на третьем рейсе, то ли на четвёртом.

Эраст потом так и не смог вспомнить точно.

Они уже довольно долго стояли на земле.

Почему — память тоже не сохранила.

Ждали разгрузку?

Команду?

Разрешение на вылет?

Командир несколько раз связывался с диспетчером.

Штурман ругался.

Толик где-то раздобыл чай.

Эраст сидел у своей панели.

Сердце опять сбивалось.

А потом подошёл человек с дозиметром.

Посмотрел на прибор.

Нахмурился.

Перешёл на несколько метров.

Измерил ещё раз.

Командир высунулся:

— Что там?

— Вам здесь стоять нельзя.

— Нам разгрузку не закончили.

— Мне всё равно.

— Тогда дайте команду.

Человек выругался и ушёл.

Вернулся уже не один.

Начался спор.

Эраст слышал только отдельные слова.

— ...фон...

— ...приказ...

— ...убирайте борт...

— ...куда я его уберу?..

Наконец дали добро на запуск.

Эраст начал процедуру.

ВСУ.

Контроль.

Последовательность.

Параметры.

Первый двигатель.

Второй.

И именно здесь память начинала лгать.

Или, наоборот, говорить правду.

Сорок лет спустя Эраст мог назвать рабочие параметры двигателя.

Мог нарисовать свою панель по памяти.

Мог рассказать порядок запуска.

Но не мог ответить на единственный вопрос:

сколько лишнего времени они простояли там из-за него?

Пять минут?

Десять?

Ни одной?

Он действительно работал медленнее?

Или придумал это потом?

Была ли реакция заторможена лекарствами?

Или больное сердце заставило его искать причину там, где причины не было?

Командир никогда не обвинял его.

Ни разу.

Никто из экипажа не обвинял.

В документах не было никакой задержки из-за действий бортинженера.

Но Эраст помнил тяжёлые руки.

Голову, будто набитую ватой.

И мысль:

быстрее...

быстрее...

Когда они наконец покатались, командир сказал:

— Ну и дурдом.

Штурман ответил:

— Главное — отсюда выбраться.

Толик добавил:

— Вернёмся — напьюсь.

Все засмеялись.

Кроме Эраста.

В Германию вернулись через несколько дней.

Грязные.

Не выспавшиеся.

Злые.

И совершенно уверенные, что самое неприятное закончилось.

Самолёт поставили отдельно.

Пришли какие-то люди с приборами.

Что-то измеряли.

Спорили.

Часть вещей приказали оставить.

Форму сменить.

Кто-то говорил про обработку.

Кто-то махал рукой:

— Потом разберёмся.

Вечером командир достал бутылку.

— За то, что живы.

Толик спросил:

— А ордена?

— Тебе орден за язык положен.

— Тогда два.

Серёга открыл тушёнку ножом.

Эраст сидел рядом, смеялся вместе со всеми и чувствовал, как сердце опять начинает идти вразнос.

Толчок.

Пауза.

Толчок.

Несколько быстрых ударов подряд.

Он прижал ладонь к груди.

Командир заметил.

— Опять?

— Что?

— Не строй идиота. Сердце?

На языке уже лежало привычное:

Нормально.

Но Эраст неожиданно сказал:

— Побаливает.

Командир перестал улыбаться.

— Завтра в санчасть.

— Да ладно...

— Я сказал — завтра.

До завтра Эраст не дотянул.

Ночью его увезли в госпиталь.

Сначала думали — инфекция.

Потом снимали кардиограмму.

Потом ещё одну.

Потом появился врач, который уже не шутил.

Через несколько дней Эраст услышал слово:

— Миокардит.

— И что?

— Лежать.

— Сколько?

— Пока не скажу.

— У нас вылеты.

Врач посмотрел на него.

— Какие вылеты?

— Я бортинженер.

— Были.

Эраст не сразу понял.

— Что значит — были?

— То и значит. Про полёты пока забудьте.

— Пока?

Врач отвёл глаза.

Вот тогда стало страшно.

Не под треск дозиметра.

Не возле реактора.

Не в самолёте.

А в обычной белой палате.

В двадцать три года.

Когда незнакомый полковник медицинской службы не захотел смотреть ему в глаза.

Через две недели приехал командир.

Принёс апельсины.

— Мать прислала?

— Жена.

— У тебя нет жены.

— Поэтому и говорю — мать.

Эраст усмехнулся.

Потом спросил:

— Летаете?

— Летаем.

— Туда?

Командир помолчал.

— Уже нет.

Эраст отвернулся к окну.

— Меня списывают.

— Пока никто тебя не списал.

— Врач сказал.

— Врачи много чего говорят.

— Сердце.

Командир вздохнул.

— Ну значит, землю топтать будешь.

— Легко тебе говорить.

— Нет.

Пауза.

— Не легко.

Эраст смотрел в окно.

Потом произнёс:

— Мы там долго стояли.

Командир сразу понял.

— Где фон поднялся?

— Да.

— И?

— Запуск долго шёл.

— Обычный запуск.

— Ты уверен?

— Эраст...

— Я таблеток наглотался перед вылетом.

Командир нахмурился.

— Каких?

— Не знаю уже. От температуры. От сердца. Ещё что-то.

— Почему не сказал?

Эраст молчал.

Командир тихо выругался.

Потом спросил:

— Ты думаешь, мы из-за тебя там торчали?

— Не знаю.

— А я знаю.

— Откуда?

— Потому что сидел впереди тебя.

Он наклонился ближе.

— Всё было штатно.

— Ты можешь не помнить.

Командир несколько секунд смотрел на него.

— А ты через две недели, значит, помнишь лучше?

Эраст отвернулся.

— Хватит.

— Чего?

— Искать себе вину.

— Я её не ищу.

— Уже нашёл.

Лётная комиссия поставила точку через месяц.

Три врача.

Стол.

Папка с его фамилией.

Председатель листал бумаги.

— Старший лейтенант Мартвили. Перенесённый миокардит. Нарушения ритма сохраняются. Реакция на нагрузку неудовлетворительная.

Эраст молчал.

— К лётной работе признать негодным.

Вот и всё.

Одна фраза.

Жизнь до неё.

Жизнь после.

— К службе?

— На наземных должностях годен. Рекомендуем инженерно-авиационную службу.

Эраст посмотрел на лист.

— То есть членом экипажа я больше не буду?

На этот раз ответили прямо:

— Нет.

Он подписал заключение.

Рука не дрожала.

Почему-то это оказалось особенно обидно.

Через неделю он стоял на аэродроме уже не в лётном комбинезоне.

Ил его экипажа готовился к вылету.

Толик первым заметил Эраста и помахал.

Серёга показал кулак.

Командир спустился по трапу.

— Ну?

Эраст протянул заключение.

Тот прочёл.

— Сволочи.

— Они правы.

— Всё равно сволочи.

Оба усмехнулись.

— В ИАС пойдёшь?

— Предлагают.

— Иди.

— Совет?

— Приказ.

— Ты мне больше не командир.

— А вот это зря сказал.

Командир хлопнул его по плечу.

— Самолёт без нормального инженера тоже далеко не улетит.

Эраст поднял голову на борт.

— А я хотел быть внутри.

Командир проследил за его взглядом.

— Иногда земля тоже служба.

Тогда Эраст ещё не понимал, насколько важной окажется эта фраза.

Он просто стоял на бетонке.

Ему было двадцать три.

Он был жив.

И небо для него закончилось.

Самолёт разбежался по полосе.

Поднялся.

Убрал шасси.

Эраст смотрел ему вслед, пока машина не растворилась в облаках.

Привыкал к земле.

Толик умер первым.

К тому времени прошло много лет.

Эраст уже вернулся в Тбилиси. Работал. Крутился. Строил свою жизнь заново.

Телефон зазвонил вечером.

Голос Серёги он узнал не сразу.

— Эраст?

— Я.

Пауза.

— Толика сегодня не стало.

Эраст сел.

Не потому, что закружилась голова.

Просто ноги перестали держать.

— Как?

Серёга что-то говорил.

Больница.

Кровь.

Диагноз.

Лечение.

Эраст слышал отдельные слова.

— Сколько ему было?

На другом конце снова стало тихо.

— Сорок один.

Сорок один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.